

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

SAMPĪEV, Ī. M./САМПИЕВ, И. М.
ÎNGUŞYA/INGUSHETIA/Р.Ф.ИНГУШЕТИЯ

ABSTRACT

Globalization influences on the status of ethno cultures in ethno cultural communication system. There are main spheres of ethno cultural interaction:

1. Cultural civilization interaction. (Complimentary, conflicted, consensual);
2. Cultural policies of states;
3. Expansion of mass western culture;
4. Reactions on globalization.

Thus, ethno cultural communication represents as compound interfeferention of four dominant processes of ethno cultural interaction.

Globalization produces anklaws of mass consumption that provoke intercultural conflicts. In answer to, the ethno cultures mobilize protective cultural strategies of traditional and fundamental type like spontaneous value-sensible reflections at the cultural aggression. These strategies can have a destructive meaning for themselves “passing out” a positive element of globalization.

The Toffler’s idea about anklaws of «past” and “future” could be realize through forming of “globalistic – cultural autonomies”.

The state could serve ethno cultural necessities of life of dominant part of population and for adepts of global mass culture to create GCA.

Globalization repressive to tolerant interaction, that’s why it is need in particular measures to guarantee equal and enriching ethno cultural communications, creating basis conditions for ethno political stability and intercivilization dialogue, humanity of relations between different cultures.

Key Words: Globalization, ethno cultural communications, “globalistic cultural autonomy”.

РЕЗЮМЕ

Глобализация влияет на статус этнокультур в системе этнокультурных коммуникаций. Выделяются основные сферы этнокультурного взаимодействия:

1. Культурно-цивилизационное взаимодействие (комплиментарное, консенсусное и конфликтное);
2. культурная политика государств;
3. экспансия массовой вестерн-культуры;
4. реакции на глобализацию.

Т. О., этнокультурная коммуникация представляет собой сложную интерференцию четырех основных процессов этнокультурного взаимодействия.

Глобализация порождает анклавные структуры массового потребления, которые провоцируют внутрикультурные конфликты. Этнокультуры в ответ мобилизуют защитные культурные стратегии традиционалистского и фундаменталистского плана, как спонтанную ценностно-смысловую рефлексию на культурную агрессию. Эти стратегии могут носить деструктивный характер для них самих, «отсеивая» позитивные элементы глобализации.

Идея А. Тоффлера об анклавах «прошлого» и «будущего» могла бы реализовываться через формирование «глобалистско-культурных автономий». Государство могло бы обслуживать этнокультурные потребности основной части населения, а для адептов глобальной массовой культуры создавать ГКА.

Глобализация репрессивна к толерантному взаимодействию, поэтому необходимы особые меры по обеспечению равноправной и взаимообогащающей этнокультурной коммуникации, создающей базисные условия для этнополитической стабильности и межкультурного диалога, гуманизации отношений между разными культурами.

Ключевые Слова: глобализация, этнокультурные коммуникации, «глобалистско-культурные автономии».

Исследование влияния глобализации на процессы межэтнических коммуникаций требует предварительного прояснения двух методологических проблем. Во-первых, что следует понимать под глобализацией? Во-вторых, в каком ключе следует рассматривать этнокультурные коммуникации, имея в виду как гносеологическую неоднозначность трактовок, так и самые различные онтологические формы проявления этничности?

Глобализация – понятие, широко используемое в последние годы, в него вкладываются разными авторами различное содержание, поэтому категориальный статус его еще однозначно не определен. Содержание

явления глобализации, ее когнитивные модели во многом оказываются зависимыми от общесоциальных парадигм, к которым прибегают исследователи, а также от их ценностных пристрастий. В такой ситуации трудно ожидать установления удовлетворительного консенсуса по поводу категориального статуса глобализации. Содержательные определения глобализации могут быть сведены к трем основным позициям.

1. Сторонники экономического детерминизма видят в глобализации процесс усиления эксплуатации “периферийных” и “полупериферийных” регионов и государств крупнейшими монополиями мирового неоимпериализма на основе современных мета-технологий.

2. Школа “политического реализма” понимает ее либо в духе «столкновения цивилизаций», либо как механизм реализации американской гегемонии и становления нового однополюсного мирового порядка (один из вариантов - вестернизация);

3. Неолиберализм видит в глобализации процесс постепенного отмирания государственного суверенитета и становления “мирового гражданского общества” в результате интернационализации финансов и создания мирового саморегулирующегося рыночного пространства.

В целом онтологический и гносеологический статус феномена глобализации остается неопределенным, что наводит на мысль о степени адекватности моделей глобализации тенденциям реальности, этим термином обозначаемым. С другой стороны, что нового добавляет термин “глобализация” в познание макросоциальных процессов? Ведь первоначально дискурс по вопросу планетарных социальных изменений строился вокруг понятий “международное”, “интернационализация”, “унификация”, “мировая система”, “современность”, “модернизация”. Термин “глобальное” включается в этот дискурс лишь в середине 1960-х гг., когда В. Мур ввел в оборот термин “глобальная социология”, а М. Маклюэн - “глобальная деревня”. Но широко понятие глобализации стало входить в категориальный аппарат социальных наук только в начале 90-х годов.

Многие исследователи считают бессодержательным и конъюнктурным использование термина “глобализация”. Выражением подобного взгляда служит мнение Уоллерстайна о том, что этот дискурс является в действительности гигантской лжеинтерпретацией современной реальности - обманом, навязанным нам властными группами и, даже хуже, обманом, который мы навязали сами себе, зачастую от отчаяния. Интересно, что схожей позиции придерживаются и исследователи, стоящие на совершенно иных позициях. В частности, выражая эти взгляды, З. Бауман пишет: “Глобализация сегодня у всех на устах; модное словечко, быстро превращающееся в лозунг, заклинание, в некий ключ,

способный открыть дверь к любым существующим и будущим загадкам” [2].

И, тем не менее, появление термина и его активное применение должно иметь свои причины, объективные или субъективные. Здесь возможны три версии, более или менее объясняющие вхождение в моду термина “глобализация”.

1. Макросоциальные процессы в мире качественно трансформировались, поэтому объяснительные парадигмы и связанная с ними терминология (категории теорий модернизации, транзитологии, мир-системной экономики и т. п.) оказалась неадекватна их содержанию и сущности, поэтому возникла необходимость их замены. Идет процесс смены научных парадигм (Т. Кун).

2. Явление само по себе не изменилось качественно настолько, чтобы внедрение нового термина стало необходимым. Однако научное знание об этом явлении оказалось “неудобным” в силу каких-то причин, а введение новой терминологии позволяет создать иллюзию изменения самого явления или о принципиально новых перспективах его исследования, которые открывает новая терминология.

3. Внедрение новой терминологии - попытка инициирования новых подходов и концепций, желание опередить познавательные процессы, либо “застолбить” новое научное направление в исследовании социального явления, еще только предугадывающегося в своих ранних проявлениях. Метафорически говоря, это магическая попытка через имянаречение определить пол ребенка, еще не родившегося, но уже близкого к появлению на свет.

Как представляется, все три версии имеют под собой объективные основания, но детерминация по второй версии, на наш взгляд, является определяющей. Но именно неопределенность термина «глобализация» делает его удобным для обозначения процессов, только начинающих выкристаллизовываться и перспектива которых пока не ясна. Можно утверждать, что материальной основой глобализации служит процесс развития мир-системной экономики, где, по мнению А. Панарина, усилиями глобалистов конструируется мир экономического и политического монополизма [11]. Однако уже на современном этапе ясно, что глобализация как системное явление не сводима целиком к экономике, в не меньшей степени это явление культуры, она имеет серьезные последствия для культур, идентичностей и стилей жизни. В этом смысле можно говорить о всемирном социокультурном трансформационном процессе, который Ульрих Бек называет процессом конвергенции глобальной культуры, в которой ключевым словом является макдольнизация. Он пишет: «Все больше и больше пробивает себе дорогу универсализация в смысле унификации стилей жизни, символов культуры

и транснациональных норм поведения...Короче, глобальная индустрия культуры во все большей мере означает конвергенцию культурных символов и форм жизни” [3].

Процессы культурной универсализации и стандартизации настолько ярко и кричаще проявляются в повседневной жизни, что не согласиться с Беком трудно. Настораживает то, что культурная конвергенция глобализации только внешне схожа, но сущностно отлична от общечеловеческих культурных универсалий, сформировавшихся исторически и создающих интернациональные социокультурные пространства, где происходит коммуникации и взаимообогащение национальных культур. Примерами одних из первых таких интернациональных пространств могут служить великие древние земледельческие цивилизации. Однако конвергенция стилей жизни и символов в том смысле, о котором говорит Бек, началась более чем два столетия назад. Индустриализация и развитие капиталистических отношений вызвал к жизни совершенно новое в истории явление – массы как актора социокультурных и политических процессов.

Социокультурный подход к процессам глобализации выявляет массового потребителя как их социальную основу. И здесь нельзя не обратиться к блестящему анализу масс, совершенному Хосе Ортегой - и - Гассетом в своем знаменитом эссе “Восстание масс”. Он пишет: “Проницательный ум, будь то в 1820, 1850 или 1880 годах, простым рассуждением а priori мог предвосхитить тяжесть современной исторической ситуации. И в ней нет ровным счетом ничего, не предугаданного сто лет назад.” Массы надвигаются” - апокалептически восклицал Гегель.” Без новой духовной власти наша эпоха - эпоха революционная - кончится катастрофой” - предрекал Огюст Конт.” Я вижу всемирный потоп нигилизма!” - кричал с эндагинских круч усатый Ницше” [9].

“Происходит явление, которое, к счастью или несчастью, определяет современную жизнь. Этот феномен - полный захват массами общественной власти... В истории подобный кризис разражался не однажды. Известно и его название. Он именуется восстанием масс” [там же, с. 9].

Потребности масс призвана удовлетворять «массовая культура». На наш взгляд, анализ масс и массовой культуры является ключевым для происходящих процессов глобализации. Поэтому можно поставить такой диагноз современных процессов: по аналогии с понятием “управляемая демократия” идет “управляемое восстание масс”. В данной работе мы не ставим задачей исследования, кто пытается управлять этим «восстанием масс» и с помощью каких ресурсов – это тема отдельного исследования.

Однако само понятие массы и массовой культуры очень важно для раскрытия заявленной темы.

Уникальность современной ситуации состоит не в самом феномене возникновение массы (она возникла вместе с возникновением цивилизации), а в том, что масса впервые в истории стала постоянным и активным действующим актором исторического процесса. Отсюда с необходимостью возникает обслуживающая массы собственная культура (массовая культура) и специфический тип сознания (массовое сознание). Л. Козер дает такое определение массовой культуры: «Массовая культура означает культурный коррелят «массового общества», особенно характеристику культурной жизни современной городской и индустриальной цивилизации... Суть массовой культуры заключается в том, что массы потребляют или пользуются культурой, которая существенно отличается от того, что потребляют в настоящем или потребляли в прошлом элитарные элементы общества. Ценности массовой культуры передаются и распространяются с помощью современных средств массовой коммуникации и испытывают воздействие рынка потребления этих ценностей» [1].

Именно массовая культура и массовое сознание являются краеугольным камнем глобализационных процессов, хотя связь эта тщательно маскируется сторонниками глобализации. Однако массовая культура – это и есть тот субстрат, который лежит в основе и формирует то, что нарекли «глобальной культурой». Проще говоря, т. н. глобальная культура – это массовая культура современной эпохи, охватившая весь земной шар. Именно ей воздают почести, ее победы ждут сторонники «глобальной культурной конвергенции», «всечеловечности», на ее базе основаны идеи «мирового государства», «мирового правительства» и т. п. Однако анализ основных характеристик «глобальной культуры» вскрывает целый клубок противоречий и проблем, порождаемых массовой культурой и массовым сознанием, требующих более критично подходить к этим явлениям.

Как представляется, особенность проявления культурного универсализма в глобализационных процессах выражается в отвлечении от культурно-специфических и нормативно-ценностных особенностей локальных сообществ. В создаваемую глобальную систему нового мирового порядка «администраторы» этого порядка приглашают обезличенных индивидов, их совокупность – массу, но никак не культурные целостности с присущим им самосознанием. При этом собственная идентичность, интересы и культура «глобализаторов» выдаются за общечеловеческие. Отсюда утверждения об универсальном характере глобализации. Очевидно, что виртуальная глобальная культура – это не культура некоего социокультурного сообщества, а реально субкультура массового потребления, нацеленная на формирования

потребительского сознания. В этой связи представляется, что в чистом виде универсалистские тенденции глобализации состоят в производстве стандартизированных потребностей. Носители же этих потребностей - основа нового тоталитаризма, для управления которыми в принципе не нужны собственно политические технологии.

При всей обезличенности и унифицированности массовой глобальной культуры, она имеет имплицитные этнокультурные характеристики. Это, в частности, английский язык, вестерновый образ жизни и стиль поведения. Однако как эти якобы «общечеловеческие» культурные стили и образцы ложатся на «почву», наполняются ли они какими-то особыми локальными смыслами? Ведь в таком случае говорить о единой всеохватывающей глобальной культуре не приходится. С другой стороны, если эти интернациональные культурные комплексы не проходят процедуру «осмысления» (придания им новых смыслов и включение в ценностно-нормативную систему местного сообщества), «национализации», то они, по меньшей мере, позитивно не функциональны для данного этноса или регионального сообщества. Глубоко проанализировавший этот вопрос Э. Д. Смит пишет: «Наступление американской массовой культуры, английского языка, визуальных СМИ и компьютеризированной информационной технологии явно отражает глобальные культурные тенденции. Но что они дают в общей сложности? Могут ли массы мужчин и женщин жить ими, а также с ними? Составляют ли они вместе новую культуру, новый стиль жизни, способные вдохновить и утешить людей перед лицом горя и смерти?» [15]. На наш взгляд, ответ скорее отрицательный. А ведь придание смысла человеческой активности, вдохновение на преодоление трудностей мира и утешение перед лицом смерти – одна из важнейших функций подлинной культуры, которая в предельном своем основании всегда выступает как этническая культура.

Любая этническая культура представляет собой единую ценностно-нормативную, мировоззренческую и регулятивную систему, которая дает человеку возможность адаптации в окружающей природной и социальной среде, возможности коммуникации с другими, упорядочивает его взаимодействия в социуме, является базовой структурой формирования сознания и самосознания индивида и этнокультурной целостности. Без опоры на этнокультурные системы невозможна никакая ценностная и моральная ориентация, не случайно великий Гегель определял народы как нравственные целостности. Поэтому выявление влияния глобализации на тенденции этнокультурного взаимодействия в современном мире проблема не только теоретическая, но и практическая, ибо она может указать на потенциальные опасности развития отдельных обществ и всего человечества.

Весьма существенно, что при всей очевидной конструируемости глобализации в ней присутствует определенная стохастическая

составляющая, воплощающая процессы самоорганизации на различных уровнях мировой социальной системы. Т. е. в глобализации присутствует действие групповых субъектов, таких как этнокультурные целостности, которые вступают во взаимодействие с другими этническими культурами и иными социальными системами. Собственно, сочетание свободных и равноправных коммуникаций этнокультур между собой и коммуникаций, навязываемых ассиметрично, и составляют социокультурную матрицу процессов глобализации. Т. о, проблема воздействия глобализационных процессов на этнокультурные коммуникации является составной частью более общей проблемы сохранения субъектности этнокультурных сообществ, их права на определение своей судьбы. Сама проблема сложно структурирована и многослойна, поэтому требует аналитического рассмотрения.

Первое, на что можно обратить внимание – это то обстоятельство, что глобализованная конвергенция напрямую затрагивает этнические культуры и базирующиеся на них различные формы идентичности. Воздействие это в силу своей унифицирующей направленности оказывается деструктурирующим по отношению к этническим культурам, что провоцирует обострение проблемы всеобщего кризиса идентичности. Всеобщность кризиса идентичности выражается на цивилизационном, региональном, этническом, личностном уровнях. Выражением этого кризиса становятся самые различные социальные феномены, однако наибольшую тревогу вызывает детерминированная им нарастающая социальная дефрагментаризация и аномия в обществе. В условиях «информационного футурошока» компенсация дефрагментаризации и нарастающей социальной аномии возможна на пути генерализации и упрощения человеческой идентичности, что объективно вызывает к жизни тенденцию к идентификации на наднациональном (цивилизационном) уровне. Всеобщий кризис идентичности, т. о., выдвинул в число актуальных глобальных угроз проблемы моральные и культурные. Именно обострение проблемы кризиса идентичности формируют основу для грядущего (вернее – уже идущего) столкновения цивилизаций (С. Хантингтон).

При этом следует иметь в виду, что та часть общества, которая безболезненно принимает навязываемые глобализацией а-ля вестернизация идентификаций (чаще всего, роли безликого в культурном плане потребителя), не может служить основой социального порядка, ибо в ней разрушается в первую очередь социальная ответственность. Именно на вестернизированную, аэтническую часть населения в первую очередь направлены современные информационные мета-технологии, которые «конструируют массовое сознание, ставшее важным фактором и инструментом глобализации мира, в основной сферы потребления, досуга и развлечений. Ценностное самоопределение заменяется все в большей

степени «промыванием мозгов», поэтому глоболизируемый мир характеризуется «усилением иррационализма, элиминирующего из структур социального действия социальную логику» [12]. Изменение самосознания сопровождается изменением идентичности и разрушением традиций, обычаев, этнокультурных ценностей – всего того, на чем держится социальный порядок и стабильность любого общества.

Как представляется, анализ коммуникативного взаимодействия этнокультурных целостностей является базовым, поскольку правила игры таких коммуникаций определяют во многом их модус вивенди в глобализационных процессах: кто задает вектор движения, кто является ведомым и кто от этого выигрывает. Хотя взаимопроникновение и культурные заимствования происходили в истории всегда, однако асимметрия современного коммуникативного взаимодействия различных культур такова, что одни из них в целом являются донорами, а другие – реципиентами в межкультурных коммуникациях. Каким образом глобализационные процессы влияют на статус этнокультур в системе межкультурных коммуникаций, какова ценностно-смысловая рефлексия этнокультур на глобализованное культурное воздействие, что позитивное и деструктивное привносится в межкультурные коммуникации глобализацией – вопросы, которые не могут иметь единого и однозначного ответа, но без ответов на которые трудно рассчитывать на конструктивное межэтническое взаимодействие во все более взаимозависимом мире.

Для целей нашего анализа целесообразно выделить основные сферы этнокультурного взаимодействия. Это культурно-цивилизационное взаимодействие этнокультурных целостностей, культурная политика государств, экспансия массовой вестерн-культуры и реакции этнических культур на глобализацию. Рассмотрим их вкратце.

1. Культурно-цивилизационное взаимодействие этнокультурных целостностей. В целом в культурно-цивилизационном взаимодействии этнических культур можно выделить три типа. а). Комплиментарное взаимодействие, когда этнические культуры, относящиеся к одному цивилизационному типу или даже к разным цивилизациям, являются дружественными и взаимно дополнительными друг к другу; б). Консенсусное, когда различные этнокультуры, хотя и относятся к разным цивилизациям, тем не менее, толерантны друг к другу; при этом конфликты не исключаются, но они являются функциональными и разрешаются в ходе переговоров. Как правило, в основе взаимодействия этносов по данному типу лежат взаимные интересы и выгода от партнерства; в). Конфликтное, когда взаимодействие носит часто вынужденный характер и сопровождается дисфункциональными конфликтами. В основе противоречивого взаимодействия лежат, как правило, несовместимость ценностных систем. Переговоры подменяются силовым воздействием, что порождает новый виток недоверия, и все что

удерживает эти этносы в рамках одного пространства – это общее государство. Государство как социальный институт всегда сущностно носит определенный этнокультурный характер, поэтому неизбежно вовлечено в соответствующее взаимодействие.

2. Культурная политика государств (речь в основном будет идти о многосоставных государствах). Поскольку государство, при всем его провозглашаемом статусе этнического института есть, в конечном счете, все же институт правящей этнической культуры, то культурная политика государства может рассматриваться как опосредованная культурная коммуникация доминирующей и остальных этнокультур в многосоставном государстве. Культурная политика любого государства формирует рамки и системные условия этнокультурного взаимодействия. Государство выступает регулятором глобальных культурно-информационных потоков, встраивает в него собственные культурные установки, преподносимые как универсальные, на деле отчетливо несущие в себе определенные этнокультурные ценности и смыслы, так или иначе, реагирует на глобализационные вызовы. Реакция эта может быть различна. В идеальном случае государство должно противодействовать одностороннему культурному влиянию и способствовать сохранению, воспроизводству и гармоничному развитию разнообразия этнических культур. На деле же все обстоит чаще всего иначе.

3. Экспансия массовой вестерн-культуры. Формируемая массовая культура глобализации призвана установить культурный универсализм, исключая культурно-специфические и нормативно-ценностные особенности местных сообществ. В основе своей она состоит из симулякров виртуальности (Ж. Бодрийяр) – поскольку предназначена не для реальной социальной группы, а для массы, состоящей из отдельных атомизированных индивидов. Все это не может не влиять на сферу культуры, где все более преобладают принципы консюмеризма, выбивающие материальную основу нормального функционирования и воспроизводства локальных культурных систем. Этот процесс вызывает беспокойство в интеллектуальных кругах самого Запада, ибо то, что в других культурах видится как «вестернизация» культуры, для старой Европы представляется «американизацией», хотя иногда степень этого влияния и преувеличивается.

Процессы эти, как и любые иные социокультурные процессы, не могут быть только положительными или только негативными. Несомненно, универсализация поверхностных проявлений культуры даже дает дополнительные удобства. Однако при этом западные символы, культурные элементы должны обогащать местные этнокультуры, а не замещать традиционные, поскольку это создает серьезные социальные проблемы и напряженность. Активная экспансия массовой вестернизированной культуры сопровождается негативными процессами,

т. к. происходят сбои традиционных способов трансляции общественного опыта и социализации личности, а массовая культура несет в себе мало позитивной нравственной, социальной, интеллектуальной нагрузки, формируя потребительские установки, культ денег, секса, гедонизма и насилия. Проиллюстрировать сказанное можно на примере таких структур межкультурной коммуникации, как искусство и СМИ. Искусство все в большей степени превращается в коммерческое предприятие ширпотреба, где нет места «нерентабельному» народному искусству. СМИ могли бы восполнять негативное воздействие коммерциализации в культурной сфере, но на деле не только не способствуют реализации потребностей национальных культур, но в немалой степени создают условия для экспансии эрзац - культуры, формируют низкопробные культурные предпочтения и установки. Последние, в свою очередь, служат основой низкой политической культуры (абсентеизм, инфантильность и т. п.). Не случайно специалисты все чаще говорят о том, что СМИ становятся фундаментом нового порядка, именуемого «демократическим тоталитаризмом» [7].

Телевидение особенно преуспело в формировании стадных низменных инстинктов, негативно-нигилистского восприятия национальных искусства и культуры. В исследовании Д. Дондурей приводятся тревожные данные: 8 из 10 названий российских сериалов – о криминальной жизни... Судя по сериалам, вся страна занята только «разборками». На российском же телевидении идет постоянная и агрессивная атака на семью. Многие программы проникают в частную жизнь, делают ее предметом публичных эксгибиционистских скандалов, бесстыдных семейных драк, ответы на вопросы о любовниках и любовницах. Все это, разумеется, инсценировано и подчас довольно грубо. Люди же этому верят и считают, что это и есть настоящее, острое, рейтинговое свободное телевидение. Более того, это и есть свободная жизнь [5].

Еще яркий пример для иллюстрации - всемирная сеть Интернет. Как показал Д. Драгунский, Интернет стал местом массового анонимного перехода интимной сферы в публичную, местом виртуального снятия многих табу, на которых держится цивилизация (табу на убийство, на ложь, прелюбодеяние, инцест, людоедство). Эти табу основываются и освящены в этнокультурных системах, и только потому, что они подлинно национальны, они стали принципами общецивилизационных норм. Факт, стыд и запрет как базовые институты в цивилизации в интернет-пространстве практически девальвированы. Интернет – это плацдарм для «внутренних гуннов», ведущих гражданскую войну против классической цивилизации - цивилизации факта, стыда и запрета [6]. Однако стоит задаться вопросом, кто же эти «внутренние гунны» с т. з. их национально-культурной принадлежности? Несомненно, это индивиды-потребители, во многом «освободившиеся» от своей национальной культуры

последователи массовой культуры, вследствие чего утратившие вследствие этого нормальные нравственные ориентиры.

Ошибочно было бы видеть только деструктивные стороны Интернета - польза и возможности «всемирной паутины» действительно велики. Но нельзя переоценивать ее значение. Ведь паутины плетутся для пользы того, кто их плетет, а не того, кто в них попадает. На самом деле Интернет имеет как позитивную, так и негативную сторону: американцы как держатели телекоммуникационной системы используют ее в фискальных и шпионских целях, и ряд европейских стран даже выразили по этому поводу протест, обвинив Штаты в создании предпосылок для «нового тоталитаризма».

Элиминация этнокультурной идентичности негативно сказывается на социальной стабильности и солидарности традиционного общества. Связано это с тем, что общая социализация личности тесно сопряжена с обретением ею этнокультурной идентичности. Это становится очевидным, если учесть, что становление человека как социального существа не может происходить вне определенного языка, культуры, системы ценностей и норм, т. е., иначе говоря, человек вне антропологической и этнической определенности сложиться не может. Поэтому кризис этнической идентичности свидетельствует о кризисе человеческого как такового в индивидуе.

Вестернизация порождает явление массы как деструктированной человеческой среды, и поскольку она деструктивна по отношению к национальным культурам традиционного типа, то она с необходимостью порождает собственную, т. н. «массовую культуру». В этом разгадка той легкости, с которой низкая потребительская культура массово продуцирует индивидуума - потребителя, не способного к сознательной социальной активности, объекта манипулирования, и как результат – все большая дефрагментаризация общества, формализация и обесценивание демократического порядка. Люмпенизированная масса уже выходила на арену истории в 20 веке, продемонстрировав свой разрушительный для человечества потенциал в форме милитаризма и тоталитаризма. В наше время она выступает социальной базой «нового деспотизма» и экстремистского фундаментализма, причем оба «изма» тесно взаимообусловлены и связаны [13].

Однако массовая культура, выдавив национальные традиции, сама по себе долго существовать не может; уже одно ее простое воспроизводство порождает собственную традицию, она обрывает специфическими локальными чертами, и через какое – то время культурные образцы, которые представлялись универсальными, «национализируются». Но массовая культура – это «низкая», «плоская культура», и она не сможет стать подлинно глобальной по трем сущностным основаниям: 1). Она не

имеет нравственного начала, а потому не может дать этические ориентиры и ведет к разрушению социальности как таковой. 2.) Она возбуждает высокие социальные притязания, но не дает возможностей и ресурсов для их удовлетворения, а потому ведет к дисфункции социальных институтов. 3.) «Сконструировать» потребителя «массовой культуры» несложно, но он не сможет вписаться в Современность, поскольку потребитель по определению не способен на значительные интеллектуальные и моральные усилия, а без этого нельзя говорить о нем как активном субъекте Современности. Все вышесказанное относится не только к отдельным индивидам, но и к целым народам. Особо нужно сказать о том, что вместе с разрушением национальных традиций рушатся и нравственные устои общества, что ведет к росту гедонистических настроений, культу секса, вседозволенности, насилия. Поставить моральный заслон негативным проявлениям глобализации, следовательно, способны только религиозные и национальные ценности и традиции [там же].

4. Реакции на глобализацию в виде роста культурного и конфессионального фундаментализма. Кризис этнокультурной идентичности вызывает к жизни компенсаторные механизмы замещающей идентичности. Поскольку массовая культура не способна удовлетворить одну из базовых потребностей человека в аффилиации, провоцируются поиски надындивидуальной идентичности. В условиях дезорганизации и дискредитации этнических культур в качестве таковой могут выступать либо конфессиональные, либо цивилизационные идентичности. В любом случае наблюдается упрощение и генерализация социально-культурных отношений и установок, формируются условия для различного рода фундаменталистских движений – очевидно неадекватный ответ на вызовы глобализации. Этнокультурные сообщества также радикализуются, что находит свое выражение в переносе центра их внимания из собственно культурной сферы в политическую. Принимая во внимание объективные процессы делигитимации идеи государства, здесь могут быть скрыты мощные потенциальные модели социальной организации будущего.

Т. о., из проведенного анализа ясно, что этнокультурная коммуникация под влиянием глобализационных процессов представляет собой сложное сочетание как минимум четырех основных процессов этнокультурного взаимодействия. В то же время в межкультурной коммуникации можно выделить инструментальную составляющую (передача информации, опыта, культурная и языковая политика, формирование культурных установок и поведения и т. п.) и экспрессивную составляющую (восприятие, формирование отношения, чувство «включенности», эмоционального сочувствия, и т. д.). Если инструментальная составляющая этнокультурной коммуникации под влиянием глобализации амбивалентна, противоречива и крайне неравномерна, то экспрессивная

составляющая в основе своей деструктивна, ибо провоцирует межкультурную и внутрикультурную напряженность, нестабильность и реакцию на них в виде поиска опоры человеческого бытия.

Анализ выделенных нами сфер межкультурного взаимодействия с т. з. направленности информационно-культурных потоков показывает, что во всех случаях наблюдается асимметрия культурного воздействия - западные этнокультуры выступают чаще как объекты воздействия, чем как активные субъекты. Можно говорить о почти односторонней коммуникации в форме вестернизации по причинам несопоставимости масштабов культурных потоков, слабости государственной культурной политики государств третьего мира и ограниченности возможностей малых этнокультурных систем к расширенному культурному воспроизводству. Глобализация парадоксальным образом “выбивает” креативные потенции этнокультур, и так достаточно ограниченные.

Глобализация противоречиво сочетает в себе процессы универсализации и “оседание” ее элементов на “почву”, привязку глобальных по генезису и охвату процессов к локальным социокультурным пространствам (глокализация). Глобализация технически дает больше возможностей для коммуникаций, связывает ранее недоступные друг другу субъекты. Поэтому она способствует сохранению этнокультурной идентичности в диаспоральных группах, дает новые технические возможности сохранения языков, их изучения, внутрикультурных коммуникаций и т. п. Собственно, возможности мета-технологий могут быть успешно поставленные на службу этнокультурному развитию. Однако проблема в том, что не все могут воспользоваться ее преимуществами (хотя бы по бедности), и тогда развитие одних идет фактически за счет деградации других. К тому же глобализация возбуждает повышенные социальные и экономические ожидания, но дает мало средств для их реализации.

Очевидно, что глобализация (вестернизация) угрожает этнокультурному плюрализму мира и в то же время не способна предложить нечто принципиально новое из-за поверхностного характера ее культурного воздействия. Глобальная общечеловеческая культура невозможна, если только не понимать под ней массовую субкультуру потребления, изначально обслуживающую цели экономической и затем политической глобализации. Противоречие между плотностью информационно-культурных потоков, техническими возможностями их распространения, с одной стороны, и особенностями структуры (преобладание потребительской информации) и “плоского” ценностного наполнения рождает проблемную идентичность индивидов и их десоциализацию, социальную аномию и размывание социального порядка.

Активная экспансия транснациональной массовой субкультуры ведет к сбоям этнокультурных (традиционных) способов трансляции культуры и социализации личности, а массовая культура, способствуя адаптации к современному миру всеобщего консюмеризма, формирует в первую очередь потребительские установки. Глобализация порождает внутри всех местных сообществ анклав общества массового потребления, которые провоцируют внутрикультурные конфликты. Этнокультурам в ответ приходится мобилизовать свои защитные механизмы, замыкаться в себе. Глобализованная культура воздействует поверхностно, размывая пограничные (наиболее креативные) слои, поэтому актуализируются наиболее устойчивые (негибкие, ядерные) слои этнокультуры. На их базе формируются защитные культурные стратегии традиционалистского и фундаменталистского плана, которые следует оценивать как спонтанную ценностно-смысловую рефлексию на глобальную культурную агрессию, хотя степень ее может быть различна для разных народов и зависит от множества социальных, политических и исторических факторов.

Эти стратегии часто могут носить не только конструктивный, но и деструктивный характер для самих этнических культур. Этнокультуры могут “отсеивать” те элементы глобализованной культуры (н-р, технологические, организационные, технические и т. п.), которые могли бы быть безболезненно освоены этнокультурной системой, включены в систему жизнеобеспечения и послужить ее укреплению и развитию. Но могут усиливаться замещающие идентичности, например конфессиональная, что формирует предпосылки для религиозного фундаментализма, который также размывает этническую культуру, т. к. в религиозном сознании этносу, как и все земному, отводится второстепенная роль в картине мира.

Та ассиметричная и неравноправная этнокультурная коммуникация, которая формируется глобализацией, несет в себе значительную опасность разрыва между социокультурной и инструментальной информацией, которое грозит превращением нации в распадающуюся «диаспору» с кризисной идентичностью. Как правило, противостоять этому давлению пытаются с помощью различных консервативных идеологий, одной из наиболее эффективных из которых выступает национализм. Так, известный политический философ А. Панарин пишет: «С одной стороны обществу предстоит усилить фильтры и протекционистские барьеры, призванные препятствовать дальнейшему неупорядоченному превращению информации, преобразующей цели, но не средства, с другой – резко повысить возможность перевода дескриптивной информации в прескриптивную...»

Одним из наиболее эффективных барьеров на пути межкультурных заимствований является мобилизация протекционистских идеологий. Яркой разновидностью этого типа является национализм. Не одно

общество, испытывающее потребность в мобилизации ресурсов для ускоренной модернизации, не избежало национализма. Модернизационный национализм представляет собой особую типа мембрану, проницаемую для прескриптивной информации (заимствование производственных, военных, организационных – управленческих технологий), но мало проницаемую для дескриптивной информации, модернизирующей подсистему целей, но не средств [10].

Опасность в том, что для государств с неизжитым имперским синдромом, таким например, как Россия, национализм почти неизбежно перейдет в нацизм. Поскольку единственной формой национализма, в принципе способной не взорвать многонациональное и поликонфессиональное государство, является т. н. «гражданский национализм», а в России отсутствует и в ближайшей перспективе не предвидится становление нормального гражданского общества, правового государства и демократии, то любые проекты национализма с необходимостью будут скатываться к его экстремальным формам в идее шовинизма и нацизма. Кажется, человечеству достаточно должно быть той цены, которую оно заплатило за становления фашистского и коммунистического тоталитарных режимов 20 века и последствий их деятельности для судеб сотен миллионов людей и всего человечества.

Как показал К. Шлегель, «процесс модернизации зашел так далеко, что не осталось никаких связующих ценностных представлений и идеологий, которые бы не ставили под вопрос запреты и табу. Освобождение от религиозной картины мира, от унаследованных традиций предоставляют индивидуума в массовом обществе самому себе. Пока потребности массового общества покрываются неограниченной экспансией потребления, самоконтроль в рамках нормальности не является проблематичным. Иначе, когда все время растущие потребности не могут быть удовлетворены, возрастает готовность «взять» то, что представляется причитающимся по праву... В условиях возрастающей аномии и диффузии формы трибализма, самоорганизации молодежных банд и ими созданный кодекс поведения представляются единственной рациональной и устойчивой опорой» [18].

Следовательно, национальные культуры не могут быть замещены массовой глобальной культурой, поскольку в таком случае перманентный хаос и дестабилизацию чем-то пришлось бы упорядочить, и их функции в обществе стали бы выполняться архаикой с присущей ей силовым оформлением социального пространства, отражением чего и служит попытка установления однополярного гегемонистского мирового порядка. Реакция не заставила себя ждать. В политической сфере это приводит к ставке на военно-силовой ресурс, а в духовной - к росту агрессивного фундаментализма. В этой ситуации обнаруживается весьма позитивная роль национальных культур. Роль эта, как показал З. В. Сикевич, в том,

что «...в условиях социально- психологической неустойчивости своего существования человек «возвращается» в этничность как в свою большую семью, которая как на уровне массового, так и индивидуально-личностного сознания остается единственной ценностно-нормативной константой, способной предотвратить социальную аномию и фрустрацию» [14].

Поскольку национальная культура воплощает в себе многовековую традицию и опыт, она ориентирует человека в изменяющемся мире и предохраняет его от футурошока (информационный фильтр). Национальная идентичность, формируемая ею, в условиях социальных трансформаций выступает базисом массового поведения и политического действия, выступая возможной альтернативой стохастического развития общества. Опыт свидетельствует, что культурные факторы неустранимы в социально- политическом и экономическом развитии. Несомненно, правы Д. Нэбитт и П. Эбурдин, что «чем более наш образ жизни становится схожим, тем более прочно мы будем держаться за такие ценности, как религия, язык, искусство и литература» [8].

Если этнокультурное разнообразие человечества является необходимым условием его гуманистического и нравственного самосовершенствования, а по большому счету даже техническое и технологическое усложнение и экономическую эффективность зависит от способности локальных сообществ сохранять свою идентичность и самосознание, то можно выявить общее условие, при котором глобализационные процессы в объективной своей части могут и должны согласовываться с процессами этнокультурного развития и взаимодействия. Это условие состоит в равноправном взаимодействии национальных культур, бережном сохранении этнокультурного многообразия как подлинного богатства человечества и основа его прогрессивного развития. Несмотря на некоторые негативные тенденции, которые несет в себе глобализация, о которых мы говорили, тем не менее, они не фатальны для самосознающих свое место в этих процессах этнокультурных целостностей. Сами характеристики глобализации таковы, что несут в себе и условия для перспектив национальных культур в глобализируемом мире. Более того, именно «верхний слой» национальной культуры - духовная, поведенческая культура, самосознание как бы обретает новую функциональную нишу в современном обществе [17]. Т. о., целефункциональность национальных культур в XXI веке проявляется в гарантиях самосохранения национальной идентичности, социально-политической стабильности и культурного плюрализма. Самосохранение и развитие национальной культуры конструктивны, если под развитием понимается естественный процесс обогащения культуры и расширения сферы ее применения в человеческой практике. Главное - избежать ее конструирования по чужим

(хотя бы и глобально-интернациональным) лекалам, в противном случае неизбежны социокультурные кризисы и потрясения. Возможность самосовершенствования на базе собственных традиций без технологической отсталости имманентно заложена в национальных культурах, поскольку вслед за Ч. Сноу можно говорить о двух культурах в обществе: однообразной для всех «культуре аэропортов» (в т. ч. того, что можно назвать социально-технической инфраструктурой) и национально-своеобразной культуре [16].

Однако наличные модели этнокультурной коммуникации, формируемые глобализацией, характеризуется асимметрией, неравноправностью участников, неразвитостью принципов плюрализма и субсидиарности, конфликтогенным потенциалом вследствие нарушения баланса культур, как в отношениях между агентами коммуникации, так и внутри них самих как этнокультурных систем. Этнические культуры подвергаются процессам декультуризации и десоциализации, что ведет к культурному стрессу и поиску выхода из него. Транснациональные корпорации заинтересованы в создании на территориях третьих стран таких социальных страт – проводников, которые были бы завязаны на их продукцию, идеологию, ценности. Чаще всего для этого используется технология создания в нем анклавов «информационного общества». Неоимпериализм использует анклав «информационного общества» для изъятия не только природных ресурсов, но и основной части здоровых и прогрессивных элементов, т. е. людей - носителей финансов и интеллекта. При таком освоении прогресс более развитого, «осваивающего» общества идет за счет деградации «осваиваемого», причем масштабы деградации разрушаемого общества и утраты его культуры, как всегда при «развитии за счет разрушения», превосходят выигрыш в культуре и прогрессе более развитого общества [4]. Анклавы массового общества потребления – это очаги межкультурных и внутрикультурных конфликтов.

Какой видится выход из противоречий глобализации касательно этнокультурного развития? Можно ли минимизировать риски и угрозы для национальных культур и в то же время не впасть в крайности самоизоляции и отсталости? На наш взгляд, решения этой проблемы есть. В качестве одного из этих решений мы предлагаем модель создания «глобалистско-культурных автономий». В основе ее лежит идея А. Тоффлера об анклавах “прошлого” и “будущего” в многосоставных не западных обществах. Суть модели состоит в том, что функционирование таких «глобалистско-культурных автономий» позволило бы государству обслуживать этнокультурные потребности основной части населения, а для приверженцев глобальной массовой субкультуры создавать ГКА. «Внутренние гунны» не кочевали бы, где им вздумается, неся беспорядок и хаос. Это не ущемляло бы культурные права основной массы населения, не подрывало бы социальный порядок. При том, что такие анклавы могли

бы стать зонами прорывных технологий, отработки инновационных идей в технике и экономике, экспериментирования в социальной сфере, они не распространялись бы на все сообщество, и в случае неудачи эксперимента не ставили бы под угрозу существование этнокультурного сообщества как такового. Индивиды могли бы попробовать жить в них или в традиционных населенных пунктах, а то и попеременно – у них появился бы выбор для идентификации с традиционным или универсалистским стилем жизни.

Конечно, у этой модели, как и у всякой иной, имеются недостатки и противоречия. Однако она поможет в совершенно несопоставимых масштабах апробировать то, что несет с собой чужой опыт, исключит риск деструкции всей социальной или этнокультурной системы. Глобализация объективно в силу своего противоречивого характера скорее репрессивна к толерантному этнокультурному взаимодействию, поэтому необходимы особые меры по обеспечению равноправной и взаимно обогащающей этнокультурной коммуникации, создающей базисные условия для этнополитической стабильности и межкультурного диалога, снижению потенциала конфликтности, гуманизации отношений между разными культурами.

ЛИТЕРАТУРА

1. **A Dictionary of the Social Sciences**, Ed. by J. Gould and W.L. Kolb, Glencoe, 1964, p. 411.

2. Бауман З., **Глобализация. Последствия для человека и общества.**- М.: Весь мир, 2004. С. 10.

3. Бек У. **Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию.** – М. : Прогресс-Традиция. 2001 С. 82.

4. Делягин М. **Мир для России: каким он нам нужен и что мы с ним можем сделать (Краткое изложение открытой части аналитического доклада).**- М. : Институт проблем глобализации, сентябрь 1998.

5. Дондурей Д., **Язык глобализации и российское телевидение** //Космополис. Лето 2003. №2 (4). С. 34, 36.

6. Драгунский Д., **Гражданская война цивилизаций** //Космополис. Лето 2003. №2 (4).

7. Моисеев Н., **С мыслями о будущем России.** – М., 1997. С. 46-47.

8. Несбитт Д., Эбурдин П. **Что нас ждет в 90-е годы/Мегатенденции: год 2000.Десять направлений на 90-е годы.** – М. : Республика, 1992. С. 138.

9. Ортега -и- Гассет Х. **Восстание масс.**- М. : АСТ: Ермак, 2005. С. 47.

10. Панарин А. С., **Философия политики**. – М. : Новая школа. 1996. С. 380-381.
11. -----, **Искушение глобализмом**. – М.: изд-во ЭКСМО-ПРЕСС, 2002. С. 10.
12. Покровский, Н., **Глобализация и конфликт** //Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология. 1999, №2. С. 33.
13. Сампиев, И. М., **Национальные культуры, традиции и глобализация** //Научная мысль Кавказа. 2004. №4. С. 28.
14. Сикевич, З. В., **О соотношении этнического и социального** //Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. №2. См. по: <http://www.soc.ru:8101/publications/jssa/1999/2/6sikev.html> (с. 6 из 9).
15. Смит, Э. Д., **Космополитическая культура** //Этнос и политика: хрестоматия. – М., 2000. С. 331.
16. Сноу, Ч., **Две культуры**. – М. : Прогресс. 1973.
17. Сусоколов, А. А., **Структурные факторы самоорганизации этноса** //Расы и народы. 1980.№20.С. 17.
18. Шлегель, К., **Новый порядок и насилие. Размышление о метаморфозах насилия** //Вопросы философии. 1995. №5. С. 18-19.